

Валерьян Полянский.

ТОВ. Н. ЛЕНИН.

(В. И. Ульянов).

Вечером 30 августа, когда он по окончании митинга выходил с завода Михельсона, преступная рука женщины пыталась его убить на радость всей российской контр-революции и международных империалистов.

В то время, как он безоружный, без всякой предосторожности, со свойственным ему спокойствием и уверенностью, говорил о неизбежной близкой катастрофе капиталистического мира Западной Европы, она из-за угла готовилась нанести ему смертельный удар в спину, чтобы лишить международный революционный пролетариат человека, которого история выдвинула на пост первого вождя российской социалистической революции.

Умер К. Маркс, и Ф. Энгельс сказал: "теперь человечество стало на голову ниже". И если бы положение раненого оказалось безнадежным, никто не смог бы назвать товарища, который с полным правом занял бы его ответственный пост, российская революция стала бы на голову ниже.

Заслуги тов. Н. Ленина перед русской революцией неисчислимы. Как опытный капитан, с непоколебимой твердостью, железной волей, с полным сознанием каждого своего слова и действия, он вел красный корабль нашей революции к социализму. Контр-революционные бури не раз силились опрокинуть и потопить наш корабль в бушующих страстях классовой борьбы, но он всегда твердо держал в своих руках руль, не дрогнув ни разу во весь шторм, столь грозный в последние дни, когда весь буржуазный мир усиленно готовился к борьбе с нарастающей международной революцией.

В октябрьские дни, когда большевики, взяв власть в свои руки, не знали, долго ли удастся ее удержать, и нервничали, он один, как всегда спокойно, только с большей деловитостью, собирал первых народных комиссаров, обсуждал с ними дальнейший план действий, готовый встретиться с врагом.

Когда одни, сомневаясь в своих силах, склонны были идти на компромисс с мелкобуржуазной эсеровской и меньшевистской частью Всероссийского Исполнительного Комитета, он, как скала, остался непреклонен. Готовый разорвать со своими близкими друзьями, с которыми связывала его долголетняя революционная работа, он решительно отвергнул все попытки соглашения. И он знал, чего хотел.

Когда одни, увлекаемые энтузиазмом, а другие революционной фразой и жестом, намеревались вести безнадежную революционную войну с Германией, ставя на карту судьбы всей революции, он употребил весь свой политический и публицистический талант, чтобы удержать пролетариат от этого безумного шага. С великой болью в сердце, но с полным сознанием неизбежности и моральной ответственности, он заключил "позорный и похабный" брестский мир, как истступленно кричали все предатели народа и революции. Заключил и спас революцию.

Когда одни, видя нашу разруху и некоторую нашу неприспособленность к большой организационно-государственной работе, падали духом, он во всех своих речах и статьях неперестанно твердил: "Народ сумеет устроить свою судьбу; через ряд ошибок и, быть может, жестоких испытаний он встанет на верный путь, лишь бы осталась в его руках политическая власть". И он опять был прав. Мы не только разрушили старую государственную машину, но успели покрыть страну сетью наших учреждений. Они несовершенны. Это верно. Но они уже начинают работать, и время быстро исправит все недочеты и даст народной власти нужный опыт.

Когда одна часть пролетариата с беззаветным энтузиазмом сражалась с разными бандами контр-революции, а другая, обуреваемая мелкобуржуазной стихией анархичности, наследственной болезни старого мира, ушла в удовлетворение своих эгоистических личных интересов, он решительно и громко заявил, что если будет падать производительность труда, если мы не приложим все, как один, наши усилия к тому, чтобы как-нибудь наладить народное хозяйство, нас ждет крах, нас ждет ярмо империализма и, быть может, даже монархия. Он напомнил, что с новыми правами на пролетариат ложатся новые обязанности.

Когда советская власть настолько укрепилась в нашей стране, что внутри ее не оказалось достаточных контр-революционных сил, чтобы произвести государственный переворот, враги революции, начиная с эсеров и меньшевиков и кончая явными монархистами, открыто прибегли к помощи англо-французских, чехо-словацких и японско-американских банд. Положение казалось